

В плену мелкотемья

Вероятно, многие магнитогорцы почувствовали досаду и неудовлетворенность, когда в один из первых октябрьских дней прошлого года прочли на рекламном стенде театра имени А. С. Пушкина: «Открытие сезона, «Люди, которых я видел».

И в самом деле. Не говоря о достоинствах и недостатках пьесы С. Смирнова, заметим, что театр обязан был открыться премьерой, а не спектаклем, много раз показанным в прошлом сезоне.

В эти же первые октябрьские дни, как-то утром, жители города были приятно изумлены, увидев на трамвайной остановке огромный рекламный щит о репертуаре на сезон 1959—60 года. Широковетшательно объявлялись пьесы — М. Шатрова «Именем революции», А. Арбузова «Иркутская история», Л. Толстого «Живой труп», В. Шекспира «Ромео и Джульетта», Х. Уюлийки «Каменное гнездо», сообщалось и о спектакле, который будет поставлен в январе, к столетнему юбилею со дня рождения А. П. Чехова.

Магнитогорцы любят свой театр. Они с большим удовлетворением встретили обещания руководства театра.

Но этот план потерпел полный крах. Афиши и стенды оставались на улицах города уже и после того, как театр заведомо знал, что ни «Живого трупа», ни «Ромео и Джульетты», ни «Каменное гнездо», ни спектакля к чеховским дням не будет.

Внезапно появилось вне всяких репертуарных ожиданий пресловутое «Свадебное путешествие». Утомительно долго и навязчиво рабилось оно во всех разнообразных рекламных объявлениях. Зато директор театра т. Ярский удовлетворенно потирал руки: «Путешествие» — штука «кассовая», дает сборы, удобна для выездных спектаклей».

С репертуарным планом театр явно обанкротился. И произошло это

потому, что дирекция театра больше всего думает о коммерции. Сам т. Ярский занят в основном делом: производством, бухгалтерией и очень далеко от творческой жизни способного и жизнедеятельного артистического коллектива.

Время, конечно, и «садам цвети», и «свадебные путешествия» совершать, но не до изнеможения. Ведь не эти и им подобные спектакли характеруют ту большую идеологическую трибуну, какой должен быть наш драматический театр.

Магнитогорцы вкладывают в свой самозабвенный труд патристическую страстность, и они хотят слышать и со сцены пламенное, страстное слово. Они вносят в свой труд творческий разум, и хотят слышать со сцены высокую мысль. Труд магнитогорцев горячий, жизнерадостный, и они справедливо ждут спектаклей, насыщенных взволнованностью, поллитической остротой спектаклей, в которых бьется пульс современности.

Четыре месяца прошло со дня открытия сезона, и ни одного большого идейного спектакля, ни одного крупного драматургического произведения театр не показал. Руководство театра объясняет, что «Живой труп» и «Каменное гнездо» «не пойдут» — мешает кино(!); кого-то не хватает для «Ромео и Джульетты», а Чехова, видите ли, металлургия могут и... не понять!

Откуда идут такие рассуждения? Что общего имеют они с советским театром, являющимся воспитателем масс, и осуществляющим самое высокое и благородное назначение искусства! Как могут иметь хождение в нашем театре такие, с позволения сказать, «концепции»? Выходит, что руководство театра не поняло глубочайшей мысли о связи искусства с жизнью народа, о том, что наше искусство насыщено необходимо всему народу, творящему новую жизнь.

Неправда, что в Магнитогорске не поймут Чехова. Его светлое гуманистическое творчество, его произведения никогда не погаснут, они

всегда будут понятны и дороги народу.

Не было в театре нового спектакля и к 42-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Ничего пока еще в этом сезоне интересного, поучительного не сделал театр и для юного зрителя.

В коллективе театра немало людей, наделенных талантом, сценическим обаянием, артистическим темпераментом, умеющих дать интересное решение образов. Им под силу и Толстой, и Шекспир, и Чехов, и наша советская драматургия.

Непонимание актуальных задач современности и, — да простят нас руководители театра за откровенность, — отсутствие тонкого и требовательного эстетического вкуса, явный «примат» коммерции над художественностью и идейностью — вот основные причины того, что театр опускается до уровня мелкотемья.

Поэтому естественно, что коллектив театра жалуется на творческую неудовлетворенность, на невозможность применения в полную меру своих сил, на нервирующую неопределенность — а какой образ вынашивать для дальнейшего творчества?

В театре нет творческой обстановки, нет волнующего дыхания искусства. Артисты не помнят случая, когда бы в кабинете директора или главного режиссера происходила глубокая, содержательная беседа о связи репертуара с важнейшими общественными процессами, о сыгранном образе, о творческом замысле предстоящей роли. Таких задушевных, человеческих бесед не бывает. Директор театра т. Ярский совершенно равнодушен к творческому росту актеров, к режиссерскому почерку постановщиков.

Странно, что вопросы репертуара не волнуют и партийную организацию театра. Если т. Рычков — секретарь парторганизации и занимается репертуаром, то нерешительно, эпизодически, зачастую не по своей инициативе, а в результате жалоб артистов, вызванных их

творческой неудовлетворенностью.

Театр обязан чутко прислушиваться к требованиям жизни, откликаться на знаменательные события, а он, наоборот, недопустимо игнорирует их. Насколько несерьезно отнеслось руководство театра к чеховскому юбилею, свидетельствует тот факт, что в первоначальный репертуар была включена и объявлена «Семья Полозневых» — инсценировка повести А. П. Чехова «Моя жизнь». Нам думается, что не это произведение надо было ввести в репертуар. Коллектив Магнитогорского театра способен поднять любое оригинальное произведение чеховской драматургии.

Но ведь даже и эта инсценировка не поставлена. Случилось так, что 29 января — в день, когда страна отмечала величие «дел классика нашей литературы, чья «Чайка» эмблемой витает на занавесе самого передового в мире Московского Художественного театра, — в этот день... в Магнитогорском театре никакого спектакля не было.

Тов. Ярский говорит, что театр еще успеет отметить юбилей Чехова. Когда? Чем? Идут в театре разговоры то о «Трех сестрах», то о «Дяде Ване», то о «Вишневом саде», — но все это пока не продумано, не решено, и никто из артистов не знает, кого он будет играть, в какой пьесе и когда.

Страна в прошлом году отмечала 145-летие со дня рождения величайшего поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. А театр наш? Ни слова! Почему? И тем более, это странно и неправомерно, если вспомнить, что ведущие артисты Магнитогорского театра год — два тому назад вынашивали заманчивую мысль поставить «Маскарад». Но... эта мысль так и не увидела своего осуществления.

В нашем городе — пять университетов культуры. Будь в театре подобные спектакли, все слушатели университетов, несомненно, сами бы пришли и стали бы активными организаторами тысяч других зрителей.

Театр, не имеющий продуманно-

го репертуарного плана, молостью обеспеченного творческими и всеми иными возможностями для его выполнения, не сумеет плодотворно работать. Такой театр не сумеет осуществлять своего назначения, главный смысл которого — борьба за победу коммунизма.

Вот почему возникла настоятельная необходимость сейчас пересмотреть тот репертуарный план, который был наспех и непродуманно составлен и опрочетливо декларирован в афишах и объявлениях. Надо, чтобы работал художественный совет, чтобы в жизни театра принимал деятельное участие весь творческий коллектив, надо чаще советоваться со зрителями.

Компетентные люди, хорошо знающие жизнь нашего театра, справедливо замечают, что время пребывания главного режиссера театра т. Бродского в Магнитогорске находится в явной и совершенно очевидной диспропорции с тем, что сумел он сделать. И это действительно так. Мы не видели еще на сцене ни одной крупной его работы, не имели возможности судить о его творческом почерке. Да и количество постановок т. Бродского невелико. Справедливо, надо полагать, и неудовлетворение артистов: тов. Бродский не проявил себя как художник-воспитатель, как художник-учитель, помогающий создавать образы.

Безусловно, обязательно надо выполнять финансовый план, но отнюдь не за счет мелкотемья, не за счет безразличия к большим проблемным пьесам.

Если руководство театра сумеет упорядочить репертуар, если т. Ярский отвлечется от несвойственной директору театра и совершенно ненужной роли делопроизводителя, если т. Бродский поймет, что окрики, грубость, себялюбие и нескромное самозначение ничего общего с искусством не имеют, если каждый творческий работник будет иметь интересную работу, — то театр, безусловно, изменится на уровень задач современности.

Б. НЕЧАЕВ,